

МАРКЕРЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ В НАРРАТИВАХ О СЕКСУАЛЬНЫХ СКАНДАЛАХ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

© 2020 Филатова А.М.

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», Самара, Россия

В статье делается попытка анализа маркеров субъективности в англоязычных медийных нарративах о сексуальных скандалах. Рассматриваются субъективность и оценочность в медиатекстах. Обнаружены маркеры оценочности на всех ярусах медиатекстов: от отбора фактов до выбора соответствующих стилистических средств. Выявлено, что субъективный компонент может иметь как эксплицитный, так и имплицитный характер. Сделана попытка представить типологию маркеров, позволяющих говорить о субъективности обвинения в нарративах о сексуальных скандалах.

Ключевые слова: нарратив, субъективность, оценка, глаголы мнения, антитеза.

Введение и предварительные замечания

Мысль о том, что женщины делают ложные заявления об изнасилованиях и сексуальных домогательствах, не нова и восходит к греческой мифологии. В качестве примера можно привести миф о Федре, которая влюбляется в своего пасынка Ипполита, однако получив отказ от юноши, она обвиняет его в изнасиловании, что влечёт за собой убийство героя [4]. Более того, истории о ложных обвинениях в изнасилованиях также можно найти и в Библии. В Ветхом Завете безымянная жена Потифара, сановника фараона, ложно обвиняет их раба Иосифа в изнасиловании после того, как он, так же как и древнегреческий Ипполит, отказывается женщине в близости, в результате чего Иосиф оказывается в тюрьме [3]. Идея, что женщины лгут об изнасиловании и сексуальных домогательствах довольно распространена. Сегодня её часто можно встретить в СМИ [13]. Отсутствие веских доказательств и большой срок давности преступления затрудняет отделение истинных заявлений о сексуальных домогательствах от ложных. В данной статье делается попытка выделения языковых маркеров субъективности в нарративах о сексуальных скандалах на материале англоязычных СМИ.

Для начала необходимо уточнить, какой смысл вкладывается в термины **субъективное** и **объективное** в данной статье. Под этими терминами мы понимаем не реальную соотнесённость содержания текста с объективными фактами с позиции правда/неправда, а позиционирование представленной в тексте информации как объективной или субъективной. Текст всегда представляет собой некую смесь из фактов и мнений. Предложения, содержащие мнения, включают в себя субъективный компонент: чувства людей, суждения, оценки [15]. Объективная информация, как правило, основана на фактах, поддается измерению, наблюдению и проверке.

a) *In an audio recording captured during a New York Police Department sting operation in 2015, Weinstein admits to groping a Filipina-Italian model named Ambra Battilana Gutierrez, describing it as behavior he is "used to."*

b) *Bill was good to people, was very generous to people.*

Так мы видим, что пример (a) содержит объективную информацию. Здесь упоминается аудио запись, сделанная во время расследования, даётся ссылка на авторитетный источник (Отдел полиции Нью-Йорка), приводится год, а также конкретные имена участников события. В то время как второй пример (b) — это сугубо индивидуальная точка зрения, описывающая

конкретного человека как *внимательного* и *щедрого*, однако «внимательность» и «щедрость» — это абстрактные понятия, не существующие в объективной реальности. Также автор не называет конкретных поступков, которые позволили бы описать героя высказывания, в данном случае Билла Косби, как внимательного и щедрого человека, следовательно совершенно не обязательно, что все окружающие разделят данную точку зрения. Таким образом, данный пример содержит в себе исключительно субъективную информацию, которую невозможно ни измерить, ни проверить.

Далее текст и его информационные составляющие рассматриваются нами не с позиций автора текста, а с позиций реципиента. Следовательно, при анализе текста акцент делается не на мотивах и побуждениях автора, а на извлекаемом читателем смысле.

Факт vs субъективное мнение, оценка, предположение.

Согласно Постановлению Верховного Суда от 24 февраля 2005 года правовая корреляция «утверждение о факте – мнение» в лингвистическом аспекте представляет собой две оппозиции: информация о факте/не о факте; утверждение/не утверждение [8].

Первая оппозиция — фактуальная/нефактуальная — реализуется исключительно на семантическом уровне, так как отсутствуют формальные маркеры, позволяющие отнести информацию к той или иной группе [7].

В данном пункте мы используем классификацию, предложенную Г. С. Иваненко [5]. Семантическое разделение информации на фактуальную и нефактуальную реализуется путем противопоставления:

- 1) конкретных/отвлечённых смыслов,
- 2) внутри конкретных смыслов — чётко очерченных/размытых смыслов.

Рассмотрим первую группу. **Конкретные/отвлечённые** смыслы различаются отнесённостью к миру объективного или к миру субъективного соответственно. В данном случае критерий

конкретности — соотнесение номинации с чем-либо уже существующим — видимым, слышимым, осязаемым, фиксированным, внешне проявленным (*147 women to sign an open letter, resigned from the company, take a shower*).

Критерии отвлеченности — соотнесение номинации с явлением, ещё не имевшим места в действительности, а только желаемым или планируемым. Сюда же можно отнести оценку тех или иных обстоятельств, личностей, фактов (*poisonous, useless thought, would come after her, did not properly respond, regret doing so*).

a) *He's been fired from his own company.*

b) *Their praetorian guards of lawyers making them sign draconian nondisclosure agreements that prevent them from going public*

c) *It is the consequence of being a bad person.*

Пример (a) относится к первой группе, так как в нём содержится конкретная информация: *человек был уволен*. Более того, сказуемое (*has been fired*) выражено формой Present Perfect Passive, что также говорит о действии как о свершившемся факте. В примере (c) содержатся отвлечённые смыслы. Здесь мы видим оценку: человек, совершивший действия сексуального характера в адрес другого человека, эксплицитно оценивается автором текста, как плохой человек (*bad person*). Пример (b) содержит в себе как конкретные, так и отвлечённые смыслы. Так, например, подписание договора о неразглашении (*sign nondisclosure agreements*) — конкретный смысл, а оценка данного договора о неразглашении как драконовского (*draconian*) — это уже отвлечённый смысл, так как автор не приводит ни одной выдержки из данного договора, и мы не можем объективно оценить степень его суровости и в чём данная суровость заключается.

Отвлечённые смыслы в нарративах о сексуальных скандалах можно разделить на три группы. Первая группа представлена **оценочными** смыслами, т.е. выражением оценок событий, явлений, лиц (*good company's policy, bad guy, useless thought, terrible experience*).

n) *Bill is good-hearted.*

o) *Parents wrote about having conversations with their children about how bad behavior can follow them through life.*

p) *Although she had heard rumors about Weinstein she let him have her number.*

В первом примере (a) представлена оценка Билла Косби, которого обвиняют в многочисленных сексуальных домогательствах разной степени тяжести. Несмотря на всё содеянное, некоторые из его друзей оценивают его как добродушного человека (*good-hearted*). Во втором примере (b) мы видим также оценку, но не человека, а поведения данного человека (Билла Косби), как плохое (*bad*). Более того, данная оценка выражена эксплицитно. Так же важно подчеркнуть, что в данном примере словосочетание *bad behavior* является эвфемизмом для сексуальных домогательств, что смягчает негативную оценку описываемых действий. Это вызвано табуированностью темы секса в обществе.

Примечателен тот факт, что поведение женщины оценивается имплицитно. Представленный пример (c) дает негативную оценку поведения жертвы, которая несмотря на то, что владела информацией о «плохом поведении» продюсера, всё же дала ему номер своего телефона.

Вторая группа — **деонтические** значения, которые проявляются в категориях долженствования: *must ask a question, have to understand, need to do something, should be facing public humiliation.*

h) *But now I have to speak.*

i) *It should be fully investigated.*

j) *I needed my job.*

Первый пример (a) содержит глагол с модальной семантикой *have to*, который указывает на то, что раньше жертва сексуальных домогательств молчала, но теперь ввиду обстоятельств она больше не может молчать, на изменение ситуации также указывает наречие *now*. В примере (b) используется модальный глагол *should*, который указывает на общественные представления о том, как должно поступить в данной конкретной ситуации, а именно расследовать преступления. И наконец модальный глагол *need* (c) выражает исключительно личную потребность человека в чём-либо, его привязанность к

какому-либо объекту, в данном случае к работе.

К третьей группе относятся **ментальные** смыслы, которые в свою очередь распадаются на две подгруппы: **эмотивные** — сообщение о чьих-либо чувствах (*I'm very happy, feel empowered, felt trapped, expressed a crushing fear, great deal of sorrow*) и **рациональные** — сообщение о чьих-либо мыслях, выражение состояний, направленных на будущее (*hope for the best, plan to lift spirits, wait for the star, I try to stay fit, I am looking forward to looking for war*).

a) *These character assassinations have caused me to suffer insurmountable stress and anxiety, which I still experience today.*

b) *What we hope comes out of it is culture change.*

Страдание, как и стресс и тревога (a) — исключительно субъективные чувства, их природа трудно поддается изучению, поскольку они являются внутренними переживаниями, которые каждым человеком переживаются совершенно по-разному. Однако в данном случае автор не уточняет как именно проявлялся стресс и в чём заключалась его невыносимость (*insurmountable*). Следующий пример (b) выражает надежду на то, что действия, совершаемые женщинами сейчас, повлекут за собой культурные изменения в будущем. Усиливает субъективность данного предложения словосочетание *culture change*, которое представляет собой словосочетание с размытым денотатом. Так как и слово «культура» и слово «изменение» — понятия абстрактные, то их смысл может варьироваться от индивида к индивиду. Таким образом из данного примера мы понимаем, что женщины стремятся к некой абстрактной цели, достижение которой невозможно ввиду отсутствия конкретики в определении понятия «культурные изменения». Как видно из представленных выше примеров, **отвлеченные** смыслы передают субъективные компоненты информации.

Конкретные компоненты семантики языковых единиц также можно разделить на две группы, противопоставленные по содержанию денотата. Компоненты с **чётко очерченным денотатом** (*he pays money,*

reached an agreement, career opportunity) и единицы с **размытым денотатом**. Данные термины используются вслед за Н. Д. Арутюновой [1, 2] для обозначения слов, денотат которых возможно/невозможно однозначно соотнести с одним конкретным явлением реальной действительности, а следовательно, верифицировать.

Единицы с **размытым денотатом** можно разделить на группы:

1. Слова и выражения с **субъективно** определяемой референцией, для каждого конкретного говорящего наполненные собственным смыслом, не тождественным для различных людей:

a) *Ramirez works towards social justice.*

b) *I see so much progress now.*

c) *Create atmosphere of degradation or even just marginalization of women.*

Понятие *социальная справедливость* (a), как и *прогресс* (b) носит крайне субъективный характер, поскольку каждый отдельный человек наполняет их своими смыслами, и они могут в значительной мере отличаться. Также не понятно, что автор вкладывает в такие термины как *деградация* и *маргинализация* женщин, какие именно действия создают данную атмосферу и в чём заключается деградация и маргинализация.

2. Слова и выражения, которые обозначают сложное понятие или понятие, составленное из череды различных или варьирующихся компонентов:

a) *They've had it with men who use their power to take what they want from women.*

b) *The entertainment world is rife with famous men who use their power to victimize and then silence young women who look up to them.*

c) *Famous and wealthy perpetrators use their power to shame and silence their victims.*

В примерах выше (a-c) невозможно однозначно определить, что значит *использовать свою власть* (use his power), какие именно действия попадают под эту номинацию.

3. Слова и выражения, обозначающие понятия без видимых внешних признаков или допускающие невидимость этих признаков, а следовательно, не имеющие критериев верификации: *Vulnerable women who hope he will get them work*. Какую

женщину можно считать уязвимой, какие у неё есть внешние признаки?

Итак, оппозиция «факт vs субъективное мнение, оценка, предположение» в нарративах о сексуальных скандалах проявляется как пара коррелятов: на семантическом уровне как противопоставленность фактуального и нефактуального, на лексико-грамматическом уровне — как противопоставленность утверждениям и предположениям. Категории «утверждение о факте» соответствуют только те компоненты смысла, которые имеют чётко очерченный денотат и не соотносятся с маркерами субъективности.

Глаголы мнения

Ментальные процессы и состояния, такие как мысли, убеждения и установки, передаются в языке при помощи так называемых глаголов мнения. К ним относятся такие глаголы, как *think, believe, suppose, expect, consider, deem, take, count, reckon* и т.д. В семантике данных глаголов содержится указание на характер информации, которая служит основанием при формировании того или иного суждения [6]. В нарративах о сексуальных скандалах преобладают два глагола мнения: *think, believe*.

Ряд авторов [9, 10, 14], проанализировав глаголы мнения (*think, believe*) только с точки зрения их влияния на достоверность излагаемого, пришли к выводу, что эти глаголы в качестве эпистемических показателей (чаще всего это форма 1 л. ед. ч. наст. вр.) теряют собственное лексическое значение и становятся эквивалентны модальным словам типа *probably, possibly, likely*. Исследования К. Аймер [11, 12] также доказывают, что глаголы *think* и *believe* одинаково сообщают о мнении, которое можно считать субъективным.

(1) *I thought he might inadvertently kill me.*

I think the final time I was assaulted by him was in Atlantic City.

I think he did it.

(2) *She said she believed he had sexually assaulted her while she was unconscious.*

She believed she had been drugged.

Глагол *think* (1) отражает личностные понятия и представления, не подкреплённые

объективными фактами. Здесь хочется обратить внимание на употребление модального глагола *might*, который говорит о минимальном проценте вероятности совершения действия, указывая на то, что объективных, реальных предпосылок для убийства скорее всего не было и это не более, чем фантазии. Глагол *believe* (2) отражает представления, сформированные в личном бессознательном в области эмоционального. Неслучайно в обоих примерах данный глагол мнения употребляется вместе с прилагательными, подчеркивающими, что человек был без сознания: *unconscious* (2a), *be drugged* (2b), а значит не мог объективно оценивать ситуацию. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данные глаголы близки по своей семантике и выражают личностно-обусловленное мнение. Другими словами, данное мнение основано исключительно на индивидуальных представлениях и понятиях и, следовательно, не предполагает наличие объективных фактов для обвинений. Таким образом действие оценивается не как состоявшийся факт, а как факт, который возможно имел место быть, а возможно и нет.

Здесь же важно заметить, что в нарративах о сексуальных скандалах мы имеем дело исключительно с мнением и оценкой ситуации насилия со стороны жертвы и автора (часто носит имплицитный характер), но никогда — самого насильника.

Внешние силы

К «внешним силам» можно отнести использование страдательного залога для описания жертвами сцен сексуального насилия. Смысл заключается в том, чтобы показать, что насильственные действия были инициированы другим человеком и не контролировались, более того, не могли контролироваться субъектом [Smith, 2003]. Жертва в данном случае выступает как пассивный участник событий, снимая таким образом с себя ответственность за произошедшее.

(1) *She found herself in a hotel room.*

She was led to an office with exercise equipment in it.

She was led upstairs by one of Weinstein's producers.

Здесь хочется остановиться на текстах, описывающих сексуальный скандал вокруг Харви Вайнштейна. Когда женщины описывают как попали к нему в номер, они используют форму страдательного залога (*их привели в комнату*), однако практически всегда не указано, кто же совершил данное действие (b-c). Таким образом женщина как бы случайно оказывается в номере (a).

(2) *Gutierrez arrived at Weinstein's office in Tribeca early the next morning.*

Nestor invented an excuse.

"We got to his room" she said.

Все истории в данном нарративе можно разделить на две группы: 1) насилие состоялось и 2) насилие не состоялось. Примечателен тот факт, что если насилие состоялось, то жертву привели в комнату к Харви Вайнштейну (1 b-c), но если насилие всё же не состоялось и женщине удалось уйти, то женщина приходит к нему в номер сама, мы видим использование формы действительного залога (2 a-c). Таким образом можно сделать вывод, что если насилие совершилось, то посредством использования формы страдательного залога женщина снимает с себя ответственность за произошедшие и перекладывает её на некие внешние силы, которые и ответственны за произошедшее. Но если же насилия удалось избежать, то женщина предстает перед нами в роли активного деятеля, вся ответственность лежит исключительно на ней.

Антитеза

В текстах о сексуальных скандалах данный приём реализуется на уровне всего текста. Более того, он служит для выстраивания аргументации, а именно для создания стереотипных полярных образов «властного» насильника и «бедной овечки» жертвы. Через антитезу авторы текста показывают читателю кто злодей:

a) *Mr. Kavanaugh fit the more traditional Yale mold, as a student at a prominent Jesuit all-boys school, Georgetown Prep.*

b) *His father was a trade association executive, his mother a prosecutor and later a judge.*

c) Mr. Kavanaugh was surrounded by the sons of powerful Washington professionals and politicians.

d) He has exercised his influence as a prolific fund-raiser for Democratic Party candidates, including Barack Obama and Hillary Clinton.

e) Hollywood's most influential producer.

f) He co-founded the production-and-distribution companies Miramax and the Weinstein Company.

g) His movies have earned more than three hundred Oscar nominations.

h) He has been thanked more than almost anyone else in movie history, ranking just after Steven Spielberg and right before God.

i) He was an avid sports fan and known to attend an annual teenage bacchanal called "Beach Week," where the hookups and drinking were more important than the sand and swimming.

j) After she arrived, he offered to help her career while boasting about a series of famous actresses he claimed to have slept with.

k) Bullying, even threatening, style of doing business.

У него хорошее престижное образование (a), родители, занимающие высокое положение в обществе (b), хорошие связи, он дружит с нужными людьми (c-d). Здесь важно отметить, что пример (c) в отличие от примера (d) не содержит в себе фактологической информации и носит крайне размытый характер, поскольку автор не называет ни одной конкретной фамилии. Злодей многого добился в карьере (e-h), но его поведение нельзя назвать примерным — он агрессивен (k) и непочтителен к женщинам (i), (j).

И вот как описывают жертву:

a) Her father, who is Puerto Rican, rose through the Southern New England Telephone Company, having started as a cable splicer. Her mother, who is French, was a medical technician.

b) In the summers, she worked at Carvel dishing ice cream.

c) She worked as a waitress.

d) She did modeling.

e) She was raised Catholic.

f) didn't drink before college.

g) who had not intended to be intimate with a man until her wedding night.

Жертва сексуальных домогательств предстает перед нами полной противоположностью. Она из обычной семьи, которая часто относится к меньшинствам (a), работает на простой низкооплачиваемой работе (b-c), часто связанной с показом себя (d), отличается примерным поведением (f) и высокими моральными устоями (e-g).

Однако такие гипертрофированно-стереотипные образы носят крайне субъективный характер, поскольку, во-первых, подчёркивают зависимое положение жертвы и главенствующее положение насильника. А, во-вторых, делят мир исключительно на чёрное и белое, представляя одних как исключительно плохих, других как исключительно хороших. Другими словами, апеллируют к бытовому сознанию, сложившимся представлениям и установкам читателя, но не к критическому мышлению и анализу того, почему произошло насилие [16, 17].

Заключение

Итак мы видим, что освещение ситуации сексуального скандала предполагает наличие оценки, что обусловлено характером описываемого события. Нам удалось выделить следующие маркеры субъективности в нарративах о сексуальных скандалах: противопоставление фактов и субъективных мнений; глаголы мнения; использование страдательного залога для описания ситуации сексуального насилия; использование антитезы для создания полярных образов злодея и жертвы. Наличие подобных маркеров субъективности позволяет говорить о манипулятивном потенциале нарративов о сексуальных домогательствах.

Мы видим использование ярко выраженной негативной оценки действий мужчины-насильника и в редких случаях женщины-жертвы. Важно подчеркнуть, что оценка действий женщины всегда носит имплицитный характер, а мужчины — эксплицитный. Во-вторых, через глаголы мнения передаётся мнение исключительно жертвы, реже автора и никогда насильника,

что опять же указывает на односторонний характер представления фактов. В-третьих, использование форм страдательного залога как способа переложить ответственность за случившиеся не только на мужчину, совершившего насилие, но и на некие неназванные абстрактные силы. И наконец, создание полярных образов мужчины-насильника и женщины-жертвы.

Суммируя все вышеназванные маркеры, можно сделать вывод, что читатель неизбежно окажется в той или иной степени введённым в заблуждение, если не будет вооружён критическим взглядом на текст и простым инструментарием выявления субъективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н.Д. Понятие presupposition в лингвистике // Известия АН СССР, Серия Литература и язык. — 1973. — Т. 32, № 1. — С. 84–89.
2. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. — М.: Наука, 1980. — С. 156–249.
3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями: в синодальном переводе. — М.: Никея, 2019. — 1596 с.
4. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. — СПб: Азбука-Аттикус, 2016. — 832 с.
5. Иваненко Г.С. Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2016. — Т. 12, № 3. — С. 311–326.
6. Ильчук Е.В. Представление когнитивных процессов в семантике английских глаголов: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.04 / Моск. пед. гос. ун-т. — Москва, 2006. — 42 с.
7. Обелюнас Н.В. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации: на материале текстов российских СМИ: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Кемер. гос. ун-т. — Кемерово, 2012. — 24 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».
9. Урмсон Дж.О. Парентетические глаголы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 196–216.
10. Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Доклады международной конференции «Диалог 2004». — 2004. — С. 666–670.
11. Aijmer K. Evidence and the declarative sentence. — Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1980. — 150 p.
12. Aijmer K. Some aspects of psychological predicates in English. — Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. — 131 p.
13. Belknap J. Rape: Too Hard to Report and Too Easy to Discredit Victims // Violence Against Women. — 2010. — Vol. 16, № 12. — P. 1335–1344.
14. Furberg M. Locutionary and Illocutionary Acts: A Main Theme in J. L. Austin's philosophy (Gothenburg studies in philosophy). — Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1963. — 259 p.
15. Liu B. Sentiment Analysis and Subjectivity // Handbook of natural language processing / ed. Indurkha N., Damerau F. J. — Second Edition. — Boca Raton, FL: Chapman & Hall/CRC, 2010. — P. 627–666.
16. Smith C. S. Modes of Discourse: The Local Structure of Texts (Cambridge Studies in Linguistics). — Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. — 320 p.
17. Palshikar G. K., Apte M. M., Pandita D., Singh V. Learning to Identify Subjective Sentences // Proceedings of the 13th International Conference on Natural Language Processing (ICON 2016). — Varanasi, 2016. — P. 239–248.

MARKERS OF SUBJECTIVITY IN NARRATIVES ABOUT SEXUAL SCANDALS (IN THE ENGLISH LANGUAGE MEDIA)

© 2020 Alina M. Filatova

Samara University of Public Administration
“International Market Institute”, Samara, Russia

The article attempts to analyze subjectivity markers in the English-language media narratives about sexual scandals. The subjectivity and evaluation in media texts are considered. Evaluation markers are found in all tiers of media texts: from selection of facts to the choice of appropriate stylistic means. The subjective component was found to be both explicit and implicit. An attempt was made to present a typology of markers that allow us to identify the subjectivity of accusations in narratives about sexual scandals.

Keywords: narrative, subjectivity, evaluation, opinion verbs, antithesis.